

М. В. Серeda

ЖЕНЩИНЫ КАК СУБЪЕКТ НЕОТРАДИЦИОНАЛИСТСКОЙ ГЕНДЕРНОЙ ПОЛИТИКИ

Не останавливаясь подробно на теоретическом обосновании своей позиции, замечу, что в последующих рассуждениях опираюсь на критику универсального субъекта политики Д. Батлер [1] и Ш. Муфф [7, 8]. Я понимаю под политикой, вслед за Ш. Муфф, «совокупность практик, словесных игр и институтов, при помощи которых создается порядок, организующий человеческое сосуществование в контексте конфликтности, создаваемой политическим» [8].

В преддверии нового избирательного цикла в прессе появляется все больше материалов, посвященных политическому участию женщин. Некоторые из статей представляют собой реакцию на обсуждение проекта Федерального закона «О государственных гарантиях равных прав и свобод женщин и мужчин в Российской Федерации» и касаются, как в ниже идущем фрагменте, проблемы гендерного паритета. Данный текст служит наилучшей иллюстрацией к тому кругу вопросов о женщинах как субъектах гендерной политики, который я хотела бы обозначить: «Оценивать статистику можно по-разному. Большинство руководящих постов в администрациях Сургутского района занимают женщины. То есть у них есть все данные для исполнения этого объема работы. Между тем когда возникает ситуация выборов, то предпочтение отдается мужчинам, отметила Галина Резяпова. По ее мнению, причина этого в психофизиологии и философии. Ведь, по сути, женщина в отдельные периоды жизни нуждается в защите. Отсюда отношение к ней как к объекту защиты и помощи. Чего уж скрывать, женщинам нравится, когда им помогают и ухаживают. Далеко не все мечтают о карьере. Огромное количество женщин выбрало стезю домохозяйки. Изменить такое отношение к женщине невозможно, да и не нужно этого делать. Однако Галина Резяпова предложила задуматься над квотами в партийных списках для женщин» [6].

Как мы можем видеть, апелляция к количественным показателям фактически сводит вопрос о женщинах как субъектах гендерной политики к простой арифметике: чем больше женщин руководителей, тем больше гендерного равенства. Такое статистическое понимание гендерного равенства доминирует и в публичном дискурсе, в том числе активистском. За ним скрывается допущение, что все женщины обладают разделенным социальным опытом, обусловленным их «сущностью»/гендерным порядком/структурой занятости, что способствует агрегированию различных интересов и формированию консолидиро-

ванной позиции, включающей по умолчанию требование женской эмансипации. При этом игнорируется разнообразие социальных контекстов и не учитывается множество результирующих факторов, таких, например, как религия и класс. Кто говорит от имени женщин и какие именно интересы артикулируются, практически не обсуждается. Таким образом, роль женщин как субъектов гендерной политики оказывается не проблематизированной.

Однако сегодня мы стали свидетелями феномена, который можно назвать структурной самодискриминацией. Структурная самодискриминация выражается в том, что часть социальной группы намеренно или непреднамеренно способствует институционализации дискриминационных практик и поддерживает государственную политику, ухудшающую положение группы в целом. В первую очередь, подразумеваются женщины, имеющие доступ к принятию решений.

Эта ситуация является прямым следствием процессов классовообразования, обусловленных развитием капитализма, сопровождающимся клерикализацией государственной политики и общества в целом. В новом классовом (буржуазном) проекте «женский вопрос» получил патриархальную или, иначе говоря, неотрадиционалистскую интерпретацию [5]. В противовес утверждающейся неотрадиционалистской идеологии феминистские исследовательницы/активистки отводят женщинам особое место в трансформации социалистической системы и установлении капиталистического порядка.

Американская исследовательница М. Фонг в 1992 г. писала: «Несмотря на то что в России по-прежнему распространена мысль о том, что женщины являются более слабой половиной человечества, российские женщины могут сыграть значительную позитивную роль в процессе перехода к рыночной экономике» [12].

За последующие годы сформировался внушительный корпус литературы, в которой, так или иначе, развивается тезис М. Фонг. В основном она посвящена продвижению политики гендерного равенства. В чем же заключена позитивная роль женщин в процессе перехода к рыночной экономике? Здесь, на мой взгляд, можно выделить две ключевые идеи:

— женщины обладают большим предпринимательским потенциалом и способствуют формированию нового класса собственников, что, в свою очередь, ведет к созданию рабочих мест и сокращению бедности;

— женщины заинтересованы в сильной социальной политике и, получая доступ к принятию решений, будут лоббировать социальные реформы, способствующие достижению равенства возможностей для всех граждан независимо от пола.

Эти предположения тиражируются с завидным постоянством, несмотря на то что содержат противоречие, возникающее из самой природы капиталистического порядка, основанного на воспроизводстве неравенства и сокращении регулирующего вмешательства государства, без участия которого сильная социальная политика невозможна. Кроме того, упускается из виду, что именно женщины стали рядовыми менеджерами реформ, ведущих к сокращению социальных обязательств государства и коммерциализации социальной сферы, поскольку в силу сложившейся в советское время структуры занятости они составляют большинство работающих в здравоохранении, образовании и учреж-

дениях социальной защиты. И мы можем видеть, что редуцирование социальных прав почти до критического минимума не привело к появлению организованного женского протестного движения. Женщины приняли возникшие отношения гегемонии в том виде, в каком их сформулировал правящий класс. Более того, стало ясно, что значительная часть женщин, имеющих доступ к принятию решений, разделяют правые взгляды и активно содействуют включению религии в политическую практику, а следовательно, могут быть с достаточной степенью уверенности маркированы как субъекты неотрадиционалистской гендерной политики. Здесь имеется множество примеров. Начиная с мероприятий «по пропаганде семейных ценностей», типа «Роди патриота» и празднования дня святых Петра и Февронии Муромских под патронажем С. Медведевой, и заканчивая одиозным законопроектом Е. Мизулиной, в разработке которого активное участие принимали представители Русской православной церкви.

Важным обстоятельством является то, что религиозные организации стремятся не просто расширить свое влияние, но и перехватить инициативу у политических союзников в лице правящего класса. И здесь уместно повторить вывод, сделанный П. Бурдьё: «Доминирующие фракции, чья власть покоится на экономическом капитале, стремятся внушить легитимность своего господства либо с помощью собственного символического производства, либо при посредстве консервативных идеологов, которые по-настоящему служат интересам господствующих только по “остаточному принципу” и которые всегда угрожают обернуть к своей пользе власть определять социальный мир, данную им через механизм делегирования» [2, с. 92—93].

Церковь открывает перед женщинами широкое поле мобилизации, поэтому все труднее противостоять ее давлению. При институциональной поддержке религиозных организаций и государственных структур женщины рекрутируются в новые группы влияния. Так, 12 мая 2009 г. в Ставрополе прошел Первый съезд подвижниц Русской православной церкви. В нем приняли участие около 700 делегатов [11]. Если ставропольский съезд обсуждал преимущественно воспитание молодежи, то предшествующий ему I Всероссийский форум православных женщин со всей ясностью декларировал политические цели: «Способствовать созданию механизмов влияния и продвижения православных женщин в представительных органах власти разного уровня, чтобы политические решения не противоречили евангельским ценностям, но принимались с их учетом» [4].

Более радикально сформулировали свои требования в 2007 г. участницы Всероссийского съезда мусульманок, приуроченного к 90-летию со дня Первого Съезда мусульманок, проходившего 28—29 апреля 1917 г. в Казани. Съезд принял две резолюции и обращение к народу. Объявившие себя правопреемницами первых российских мусульманских феминисток, религиозные активистки выдвинули политическую программу праворадикального толка, не имеющую связи ни с мусульманским феминизмом, ни с каким-либо другим. «Мы хотим остановить развал общества, вернуть человека к истинным ценностям, таким как вера в Бога, семья и т. д.», — сообщила в интервью корреспонденту информационного агентства «Islamnews» председатель Союза мусульманских женщин Татарстана «Муслима» А. Адиатуллина [3]. Наряду с требованием

введения квот для женщин в законодательных органах власти в резолюции съезда предлагалось следующее: разработать концепцию республиканской национальной политики и программу развития национального самосознания; пропагандировать исламские ценности и воспитывать детей в соответствии с канонами шариата; руководствоваться в создании семей религиозными и национальными традициями, причем идеалом должна служить моноэтническая семья [9].

Если 90 лет назад участницы Первого Съезда настаивали на том, что в шариате не содержится прямого предписания носить хиджаб, то современные мусульманки выступили за его обязательность, призывая бороться за право носить хиджаб в публичных местах без ограничений, которые считают нарушением прав женщин [10]. Необходимо отметить, Съезд был организован по инициативе Духовного управления мусульман Республики Татарстан, при непосредственной поддержке вице-преьера правительства и министра культуры Республики Татарстан З. Валеевой.

Без сомнения, соединение религии и политики в формально светском государстве создает исключительно нелепую, но от этого не менее сложную проблему для продвижения политики гендерного равенства. Кроме того, сложившаяся конфигурация идеологического пространства ставит под сомнение возможность артикуляции интересов, отличных от господствующей идеологии, а также эффективность коллективных действий в ранее использованных формах. Прежде всего, нам предстоит отказаться от иллюзии органического, внеидеологического единства женщин как субъектов гендерной политики. Тем более что феминистская теория уже давно пришла к пониманию того, что универсальной группы «женщины» с универсальными же интересами и требованиями не существует. Вероятно, настало время реализовать это понимание на практике, в том числе при определении политических приоритетов и способов институционализации гендера как категории реальной политики.

Библиографический список

1. *Батлер Д.* Гендерное беспокойство // Антология гендерной теории / сост. Е. Гапова, А. Усманова. Минск : Пропилеи, 2000. С. 297—346.
2. *Бурдьё П.* О символической власти // Социология социального пространства. М. : Ин-т экспериментальной социологии ; СПб. : Алетейя, 2007. С. 87—96.
3. В Казани готовится Всероссийский съезд мусульманских женщин. URL: <http://www.islamnews.ru/news-print-3508.html> (дата обращения: 09.09.2011).
4. Декларация I Всероссийского форума православных женщин. URL: <http://www.interfax-religion.ru/?act=documents&div=961> (дата обращения: 09.09.2011).
5. *Здравомыслова Е., Тёмкина А.* Неотрадиционализм[ы] — трансформация гендерного гражданства в современной России // Российский гендерный порядок: социологический подход / под ред. Е. Здравомысловой, А. Тёмкиной. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2007. С. 201—212.
6. *Меркушев В.* Куда уж равнее // Сургутская трибуна. 2011. 9 сент. URL: <http://ugra-news.ru/node/7666> (дата обращения: 09.09.2011).
7. *Муфф Ш.* К агонистической модели демократии // Логос. 2004. № 2. С. 180—197.

8. *Муфф Ш.* Пространства публичной полемики, демократическая политика и динамика настроений. URL: http://2nd.moscowbiennale.ru/ru/muff_doklad1/ (дата обращения: 09.09.2011).
9. Первый съезд мусульманок Татарстана. URL: http://eawarn.ru/pub/Bull/WebHome/64_13.htm (дата обращения: 09.09.2011).
10. Спустя 90 лет после завоевания женских свобод. URL: <http://www.islamrf.ru/news/faith/family/812/> (дата обращения: 09.09.2011).
11. Съезд православных женщин. URL: http://www.izobilny.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=47&Itemid=23 (дата обращения: 09.09.2011).
12. *Фонг М.* Роль женщин в перестройке российской экономики // Исследования экономических систем на стадии трансформации. URL: <http://www.wcons.org.ru/ru/files/economy.doc> (дата обращения: 09.09.2011).